

УДК 821.161.1  
ББК 83.3(2)6

## СВОЕОБРАЗИЕ ЮМОРА В ПОВЕСТИ В. С. МАКАНИНА «АНТИЛИДЕР»

Гун Цинцин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Специфика юмора в прозе В. С. Маканина проявляется в сложном соотношении трагического и комического начал, способствующих передаче состояния экзистенциального кризиса, неконтролируемого проявления иррационального начала в сознании «серединного» человека (термин Л. Аннинского). Такая особенность сближает юмор Маканина с «черным» юмором, который оказал большое влияние на мировую культуру, начиная с 1960-х гг. Подобная близость особенно четко прослеживается в повести «Антилидер», которая при внешне анекдотичном развитии событий имеет глубокое трагическое содержание. Феномен «антилидерства» осмысливается автором в его физиологическом, психологическом и метафизическом проявлениях, а юмор способствует выявлению абсурда и жестокости «самотечности» жизни, с которой сталкивается человек.

**Ключевые слова:** дискурс, дидактическая коммуникация, тип текста, речевой жанр.

Выдающийся представитель прозы «сорокалетних» В. С. Маканин вошел в литературу в середине 1960-х гг., но ядро его поэтики сформировалось к рубежу 1970–1980-х гг. Как отмечает М. Липовецкий, «именно с произведений, написанных на рубеже 1970–1980-х гг., с рассказов “Ключарев и Алимускин”, “Река с быстрым течением”, “Антилидер”, “Человек свиты”, “Гражданин убегающий”, повестей “Отдушина” и “Предтеча”, романа “Голоса” — проза Маканина приобретает отчетливое философское, а именно экзистенциалистское звучание» [5. С. 627]. Попытка найти истоки экзистенциального кризиса, который переживают его современники, приводит Маканина к мысли о «самотечности жизни» и «сумасшествии буден», «когда человек уже не контролирует свою жизнь, а превращается в щепку в безличном потоке бытовых сцен, зависимостей, обязанностей, ритуалов, автоматических действий» [5. С. 627]. При этом писателя интересует именно типичный представитель 1970–1980-х гг., своего рода «серединный человек» [1. С. 221], которого можно поставить в один ряд с гоголевским «маленьким человеком» и чеховским «средним человеком». И поскольку, как показывает в своих произведениях писатель, такой типаж является порождением определенной социальной обстановки, внимание автора сосредоточено не столько на личности как таковой, сколько на личности в ее взаимодействии с социумом.

Примечательно, что Маканин при осмыслении столь серьезной проблемы часто прибегает к использованию юмора, за которым скрываются

глубокие размышления о трагизме жизни, ее абсурдности, жестокости, «самотечности», то есть состоянии «тотального социального разочарования и “примирения” с уродливой действительностью “застоя”» [5. С. 629]. Подобный юмор сродни «черному юмору», который в мировой культуре второй половины XX в. становится особым способом выражения духовных поисков, помогая выявлению темной стороны общества и социальных противоречий. Черный юмор является реакцией человека на бессмысленную жестокость мира. В 1980-е гг. упреки, которые бросала критика Маканину в 1980-е гг., были связаны с использованием приемов, которые похожи на «черный юмор». Итоги критиков совпадают «в некоторых наблюдениях, принципиально расходятся в конечных выводах и оценках: прямо-таки “голубое” и “красное”» [8. С. 40]. Они спорят об общих принципах прозы Маканина, даже расходятся в оценке образа Куренкова. И. Роднянская видит в Куренкове идеальные положительные черты, Л. Аннинский, наоборот, воспринимает его как символ отрицательной активности. Использование возможностей «черного юмора» помогает автору найти формы выражения своей позиции, а также и сознания (в плане отражения эстетической компоненты авторского сознания). В словаре английского языка издательства «Рэндом Хаус» черный юмор трактуется как «форма юмора, которая рассматривает человеческое страдание как бессмысленное и потому не вызывающее сочувствия, а человеческое существование как бесцельное и потому комичное» [14. С. 146–148]. Например, произ-



ведения некоторых современных постмодернистов: Ю. Мамлеева, В. Сорокина, В. Пелевина, Л. Перушевой, Н. Садур и др. Предметом высмеивания черного юмора, как правило, является человеческий страх утраты своего социального и материального положения, здоровья, разума. При этом происходит разоблачение тех или иных представлений о мире, переосмысление моральных и общественных ценностей. Американский критик Р. Шиндлер в статье «Юмор со смертоносным жалом» отмечает суть творчества черных юмористов: «За неимением ничего лучшего, черные юмористы стали хранителями нашей совести. В резкой, взрывоопасной форме они бросают вызов гипнотизерам и истеричкам. Они обрушивают на нас необходимость делать выбор. Среди банальности, опустошенности и изобилия, они предлагают нам ужасы и возможности самопознания» [13. С. 305].

Ту же роль в прозе Маканина выполняют комические элементы, которые призваны изначально представить тот или иной социальный феномен в карикатурном свете, в итоге создают почву для философского парадокса. Рассматривая специфику юмора в творчестве Маканина, можно наблюдать за тем, как автор обращается к комическому не ради высмеивания пороков советского общества или заигрывания с читателем, а ради осмысления глубинного трагизма, который стоит за смехом его героев — «серединных» людей, то есть «человека обстановки» [1. С. 221]. Оттого юмор писателя зачастую окрашен в мрачные тона, а персонажи и ситуации, кажущиеся поначалу смешными, парадоксальным образом обнаруживают философскую и психологическую глубину. Его произведения рубежа 1970–80-х гг. являются ярким примером того, как контаминация комического и трагического позволяет обнаружить абсурд и экзистенциальную пустоту того обывательского образа жизни, который ведет «серединный» советский человек. Многие парадоксы маканинской прозы строятся вокруг несоответствия материального достатка, «внешнего» благополучия и внутренней удовлетворенности индивида. Писатель исследует иррациональное поведение своих героев, описывая его с разных углов зрения. Поэтому то, что окружающие воспринимают как комическое, сам герой воспринимает глубоко трагически и наоборот. Такой юмор амбивалентен, и его главной функцией является обнаружение в изначальной абсурдности жизни истоков взаимонепонимания, возникающего

между людьми, и непонимания человеком самого себя.

Подобная двойственность присуща «черному юмору». Не случайно художественный контекст, в котором реализуется юмор Маканина, пробуждает ассоциации с творчеством сюрреалистов, которые и ввели термин «черный юмор» в литературный оборот в 1930-е гг.: это не злая насмешка над смертью и человеческой жестокостью, а скорее меланхоличный, грустный юмор. По мнению С. Дубина, черный юмор сюрреалистов представляет собой «не банальный хохот и не вежливую улыбку — черный юмор вообще бежит смеха, являясь феноменом выстрадавшим, “нутряным”, если угодно» [3. С. 15]. Он сравнивает черный юмор с кровавой гримасой Мальдорора, не умевшего улыбаться, а потому «распорывшего рот кинжалом» [3. С. 16]. Как сюрреалисты стремились с помощью черного юмора разрушить закореневшие представления о жизни и искусстве, так и Маканин пытается заставить читателя по-новому взглянуть на некоторые феномены жизни общества. В 1996 г. газета «Нью-Йорк таймс» так охарактеризовала персонажей писателя: «Это послечеховские герои, которые поселяются в художественном пространстве Сальвадора Дали» [7. С. 7].

Страшное и смешное являются двумя взаимопроницаемыми элементами черного юмора, хотя в каждом сюжете доли страха и юмора не одинаковы. По мнению Т. Геллера, когда страх и юмор пересекаются, людям становится трудно различать эти два противоположных чувства [13]. В конце 1970-х гг. в исследованиях комической литературы в США более четко определяются черты, отличающие «черный юмор» от близких ему явлений. В предисловии к сборнику статей о современной юмористической литературе его редактор указывает, что «черным юмористам» свойственна склонность к утверждению своего воображения как абсолютной ценности. По ее мнению, для того чтобы противопоставить и отдалить себя от реального мира, «черные юмористы» сознательно преувеличивают его безумие и абсурдность, и он перестает быть смешным» [10. С. 4–5].

Подобное можно наблюдать в повести «Антилидер», которая начинается «как анекдот, заканчивается как высокая трагедия» [5]. Именно скрытый жанровый потенциал позволяет определять это произведение не как рассказ, а как повесть. Автор сосредоточивает свое внимание



на сознании антигероя, а потому показывает все происходящее читателям в несколько искривленном виде. В рассказе такие пугающие явления, как смерть, болезнь, насилие и так далее рассматриваются в бытовом контексте, таким образом, становясь чем-то обычным, заурядным, нелепым, а потому смешным. Юмор поначалу способствует формированию чувства симпатии и снисхождения к главному герою, но поскольку Куренков является антигероем, юмор приобретает знак «минус». Один из персонажей рассказа, режиссер Панов, характеризует главного героя как «психопата» [6]. Понятие «психопат» в повести использовано не в профессиональном значении, а в бытовой интерпретации. Писатель таким образом подчеркивает, что феномен «антилидерства» не рассматривается окружающими как модель социального поведения, как форма реакции на окружающую действительность. Автор намеренно подчеркивает глубину натуры Куренкова, контрастирующую как с кажущейся поверхностностью личности героя, так и с его внешней непривлекательностью. Маканинский «антилидер» осознает свое одиночество и внутреннюю деградацию, но ничего не может с этим поделать и не находит сочувствия у окружающих. В результате этого происходит потеря ценностных ориентиров и погружение в мир иррациональной логики. Но это не очевидно для социума, и ненормальное поведение героя вызывает у общества реакцию нездорового, жестокого смеха. Абсурдная ситуация насмешки над человеческими страданиями является основой как маканинского, так и «черного» юмора, характеризующегося наличием абсурдистской иронии над трагическими явлениями, такими как смерть, болезнь, физический недостаток и пр. Оттого зачастую носителем сознания, которое обращается к черному юмору, является сам антигерой.

Согласно Маканину, «антилидер» — это человек, который не завидует превосходству других, а хочет всех уравнивать в общении в одной компании. Посредством драки Куренков бросает вызов социальной условности, что роднит его с героями «донкихотского» типа. «“Донкихотовская ситуация” возникает из навязчивого, маниакального следования героя своей “идее”» [8. С. 65]. Куренков хочет защищать дружбу детства и справедливость, но его неадекватное поведение приводит его к смерти, поэтому его фигура носит трагикомический характер. С одной стороны, он находится на периферии социального

конвейера, и его мир ограничен бытовыми рамками. С другой стороны, его поведение обладает парадоксальными чертами, которые создают комический эффект. Например, Куренков радуется собственной болезни, чтобы не идти на день рождения к другу. Столь же комичными и нелогичными предстают его отношения с Шурочкой. Жена относится к Куренкову как к ребенку, поэтому не видит противоречия в том, что она любит мужа и в то же время изменяет ему.

Куренков видит мир иначе, чем другие персонажи: через призму его мировидения проявляется вся абсурдность и пошлость новогоднего застолья в квартире Тюрина: «В огоньковской программе появилась на экране телевизора Алла Пугачева — в легкой косынке, улыбаясь чарующими редковатыми зубами, она запела. Все смотрели: всех как бы заморозило» [6. С. 9]. Появление Аллы Пугачевой воспринимается присутствующими как нечто удивительное, чарующее. Несоответствие события и реакции на него подчеркивается автором. Вместе с тем в данном эпизоде Маканин использует возможности смеховой культуры, предстающей в ее «неофициальной праздничности, всенародности, демократизма, антидогматизма и универсальности» [2. С. 395]. Согласно М. М. Бахтину, карнавальная смеховая культура носит амбивалентный характер, в нем сливаются «хвалы и хулы, взаимное отрицание и утверждение, созидательное разрушение, извержение в социальную могилу ради нового зачатия» [2. С. 395]. Такие же амбивалентные чувства одолевают Куренкова, когда друзья зовут его выпить: «Они бы, веселые, и слону закричали, давай, мол, слон, чокнемся <...> Все захохотали, а Василий, смеющийся, стоял и поправлял галстук над чуточку торчащим ранним животиком» [6. С. 8].

Куренков чувствует себя неуютно в собравшейся компании, он видит всю карикатурность подобного «веселья», хочет уехать, но, лишенный такой возможности, дает бой хозяину квартиры. Это проявление трагического бунта главного героя, однако в рамках «карнавальной» ситуации драка воспринимается окружающими в комическом ключе, как проявление его слабости: «Все взорвались хохотом с новой силой: Куренкова, бледного и уже умудрившегося напиться, умоляли сесть, выпить крепкой заварки, а еще лучше — поесть жирного» [6. С. 9]. Заметное неравенство противников вызывает смех окружающих, однако Тюрин, будучи физически сильнее Куренкова, проигрывает ему битву за лидерство в компании.



Черты «черного юмора» проявляется на уровне не только проблематики (в частности философской), но и поэтики. Маканин, окружая главного героя персонажами, воспринимающими его болезнь иронично и снисходительно, показывает, насколько губительно подобное отношение. Бездействие его друзей и жены, которые считают поглощающее и физически меняющее его чувство обычной причудой, в итоге доводит Куренкова до тюрьмы и гибели. Тюрьма выступает не только в качестве сюжетного элемента, но и в качестве символа: все люди заключены в тюрьму социальных условностей и не могут от нее избавиться. Описывая тонкую психологическую ситуацию, в которой оказывается антилидер Куренков, автор подводит читателя к мысли о том, что таковым героя делают обстоятельства и люди, не способные ему помочь. В этом заключается трагизм произведения. «Черный юмор» становится отражением не только сознания антигероя, смотрящего на мир, но и мира, смотрящего на героя с ироническим и в то же время губительным равнодушием. Обществу проще игнорировать состояние страха, тревоги, в котором находится Куренков, и ощущение им несвободы, чем помочь ему разговором и делом: «Вчетвером они выпили водки, посидели, посумерничали <...> Надвигающаяся беда забылась» [6. С. 21].

Б. Фелдман в статье «Анатомия черного юмора» отмечает, что «черный юмор эксплуатирует стиль экзистенциализма, но не его содержание» [11. С. 228]. Действительно, герои в прозе Маканина переживают экзистенциальный кризис, но не осознают его и тем более не могут ему противостоять. Для снижения напряженности, сохранения целостности своего душевного мира они используют три особые формы защиты от чувства экзистенциального ужаса: катарсис, эскапизм, агрессию.

Физическое и психологическое переживание лишает жизненной силы Куренкова, а «катарсис действует иначе — он доводит аффект до максимального размаха и приводит к благодетельному кризису, очищая и исцеляя человека» [4. С. 63]. Прося свою жену помыть его, как ребенка, герой снимает напряжение, и этот факт омовения можно трактовать как ритуал очищения души. Так как автор помещает героя в мир бездуховный, исключительно бытовой, катарсис вызывается не приобщением к чему-то высокому, а соблюдением бытового ритуала купания. Желание убежать помещает Куренкова во время праздничного засто-

лья: «Куренков все хотел от них уйти, но они звали его и тянулись стопками и горланили» [6. С. 8]. Также он рад возможности избежать встречи с другом, ссылаясь на болезнь. Агрессивное поведение Куренкова, связанное с самоутверждением, является одновременно формой социального протеста и выброса накопленной негативной энергии. Согласно точке зрения З. Фрейда, «невроз — это защита против неуверенности и страха, порожденных подавленными влечениями» [9. С. 401]. Маканин показывает, что агрессивные импульсы рождаются внутри человека постоянно, накапливаются и требуют разрядки. И в этом можно обнаружить отголоски мысли Фрейда об истоках желания человека психологически защитить себя. Это же состояние характеризует и Р. Грановская, говоря о функции такой психологической защиты: «Эта адаптивная форма защиты не только снимает чувство тревоги, но и приводит к социально одобряемому результату» [4. С. 62]. Драки с Тюриным и Большаковым становятся такой разрядкой. Таким образом, внешне юмористические зарисовки из жизни «антилидера», приобретая все более и более трагичное звучание, наполняются «черным», мрачным содержанием, отражающим одиночество, беспомощность и отчаяние Куренкова. Он не способен контролировать себя, и в таком отчаянном пессимизме его бунт является насмешкой над социальной пассивностью окружающих и сознательным его отчуждением от общества. Поведение Куренкова является иррациональным и парадоксальным. Хотя его порыв возник из-за благородного чувства справедливости, он никому не принес добра, а наоборот, привел к разрушению социального порядка.

Но в этом есть своя художественная логика. Разрушение привычной конфигурации мира нередко становится одним из результатов деятельности героя, увиденного автором сквозь призму «черного юмора», который как одну из форм воссоздания реальности использует прием деконструкции. В «Антилидере» отражается оппозиция «элита» — «антилидер», при этом представление об «элите» деконструируется. Те, которые относят себя к таковой, представляют собой фальшивую, самопровозглашенную элиту. Тюрин выделялся в компании как владелец автомобиля, квартиры на юго-западе и крепкого здоровья. В тюрьме «главенствовал и куражился некто Большаков <...> здоровенный мужик, с крупными волосатыми руками и мохнатой грудью» [6. С. 27]. И тот, и другой проигрывают



Куренкову в драке — самом простом и прямом противостоянии. Он отвергает любые формы ложного лидерства, провозглашая антилидерство как норму поведения, борьбу одиночки как социальный протест, что ставит его в ряд литературных «донкихотов». В своей борьбе против ветряных мельниц социальных условностей Куренков смешон для окружающих. Интуитивный алогизм поведения героя, делающего драку единственной формой экзистенциального бунта, вызывает иронию автора. Однако Маканин предлагает читателю взглянуть на антилидера с позиций не социальных, но человеческих, представляя его как тип благородного борца. Куренков всегда восстает против абсурдности окружающего его мира, и в этом заключается символическое значение его образа.

В отличие от Толика, Шурочка легко адаптируется к реалиям общества и старается помочь адаптации мужа. Символичным представляется изменение ее имени из полной формы «Александра», что означает «защитница людей» в уменьшительную форму «Шурочка». Как в рамках бытового абсурдного мирка невозможно достижение настоящего катарсиса для Куренкова, так и Шурочка не способна по-настоящему защитить мужа, не нарушая социального благообращения. В данном случае супруги являются одновременно двойниками (они оба не властны над своей участью) и антиподами (автор заостряет внимание читателя на их физическом различии и противоположных позициях, которые они избирают по отношению к обществу). Автор предлагает уникальную художественную концепцию, показывая читателю два пути: путь бессмысленной борьбы и путь адаптации. Он пытается создать такой эффект, что читатель, как и Шурочка, переживает за Куренкова. Хотя автор оставляет финал открытым, он с помощью предсказания Туковского сообщает читателю, что Куренков не вышел из тюрьмы.

Трагический потенциал сюжетной ситуации раскрывается с помощью почти анекдотичной формы повествования. Этому способствует и использованный автором прием повтора, часто являющийся отличительной чертой юмористического текста, например, «— Ты, Куренков, смотри у меня!» [6. С. 3] и «— Ты, Куренкова, не бойся!» [6. С. 3] При этом повторяющиеся языковые формулы несут в себе семантику страха

и мучения героя. Так, автор применяет однокоренные слова для отражения физического уродства Куренкова: «темнел», «потемнело», «потемневший», «темен», «темное», «темные», «худеет», «худой», «худое», «худющий», «похудел», «смуглел», «смуглым», «смуглота», «жжение», «жжет», «надвигающуюся», «надвигалось», «озлётности», «злил», «злобы», «озлобил», «злобу», «ревнует», «ревновал», «завидовал», «завидую», «завистник». Слова с коннотациями темного цвета, худобы, жжения, злобы, ревности и зависти применяются в описании признаков заболевания Куренкова, создавая эффект переживаемых им физических и душевных страданий. Противоречивая характеристика Куренкова тоже имеет ироничный характер: автор описывает его как «покладистого», «смирного», «сдержанного», «деликатного» и «грубого». С помощью приемов гиперболы, повторения и сравнения автор описывает образ Куренкова в мрачных тонах, чтобы показать распад личности героя, усилить художественный эффект «черного юмора» и вызвать сочувствие читателей, не выражая сочувствия к герою напрямую. В. В. Набоков отмечает, что «читая книгу, мы должны держаться слегка отрешенно, не сокращая дистанции. И тогда с наслаждением, одновременно и чувственным и интеллектуальным, мы будем смотреть, как художник строит карточный домик, и этот карточный домик превращается в прекрасное здание из стекла и стали» [6. С. 29].

Итак, амбивалентный по своей природе юмор помогает Маканину подчеркнуть абсурдность жизни и подавление человека обществом, отразить разлад между средой и личностью и распад самой личности, оттого комическое в его произведении органически перерастает в трагическое. Антилидер — это «срединный» человек, который, с одной стороны, является носителем анти-социального сознания, с другой стороны, глубоко зависим от социальной обстановки. Подобное положение обуславливает нелепость и даже комичность его поведения, в конечном счете приводя героя к гибели. Маканин изображает жестокость общества, а также деградацию человеческого сознания, переживающего экзистенциальный кризис в рамках установленных социальных норм. Таким образом, маканинский юмор сближается с «черным юмором», усиливая у читателя ощущение неразрешимого трагизма бытия.



### Список литературы

1. Аннинский, Л. А. Структура лабиринта. Владимир Маканин и литература «серединного» человека / Л. А. Аннинский // Звезда. — 1986. — № 8. — С. 218–226.
2. Бахтин, М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. Бахтин. — М., 1990.
3. Бретон, А. Антология черного юмора [1940] / А. Бретон. — М., 1999.
4. Грановская, Р. Защита личности: психологические механизмы / Р. Грановская, И. Никольская. — М., 1999.
5. Лейдерман, Н. Л. Современная русская литература: 1950–1990-е годы : в 2 т. / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. — Т. 2. — М., 2003.
6. Маканин, В. С. Антилидер. Человек свиты. Повести и рассказы / В. С. Маканин. — М., 1988.
7. Маканин, В. С. Человек свиты / В. С. Маканин. — СПб., 2015.
8. Пискунова, С. Все прочее — литература / С. Пискунова, В. Пискунов // Вопр. литературы. — 1988. — № 2. — С. 38–77.
9. Фрейд, З. Тотем и табу / З. Фрейд. — М., 1998.
10. Cohen, S. B. Comic Relief: Humor in Contemporary American Literature / S. B. Cohen. — Urbana, 1979. — P. 1–13.
11. Feldman, B. Anatomy of black humor / B. Feldman // The American Novel since World War II. — Greenwich, 1969. — P. 224–228.
12. Heller, T. Notes on Technique in Black Humor. In Black Humor / T. Heller. — N. Y., 1993.
13. Schindler, R. Grundprinzipien der Psychodynamik in der Gruppe / R. Schindler // Psyche. — 1958. — № (11). — P. 308–314.
14. The Random House Dictionary of the English Language / ed. S. B. Flexner. — N. Y., 1987.

### Сведения об авторе

Гун Цинцин — аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного процесса филологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Москва, Россия. qingqinggong@mail.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University.*

2017. No. 12 (408). Philology Sciences. Iss. 110. Pp. 82–88.

## THE SPECIFICITY OF HUMOR IN MAKANIN'S NOVEL "ANTILEADER"

**Q. Q. Gong**

*Lomonosov Moscow University, Moscow, Russia. qingqinggong@mail.ru*

The specificity of Makanin's humor lies in the complex relationship of the tragic and comic principles that facilitate convey the state of existential crisis, the uncontrolled irrational beginning of the "middle man's" (term of Anninsky) consciousness. This feature contributes Makanin's humor with black humor, which has a great influence on the world's culture since the 1960's. Such similarity is particularly evident in the novel "Antileader", which has a deep tragic content with anecdotal form. The phenomenon of "anti-leadership" is comprehended by the author in his physiological, psychological and metaphysical manifestations. Humor contributes to revealing the absurdity and cruelty of the "self-sufficiency" of life, that individual encounters.

**Keywords:** *Makanin, humour, antileader, "self-sufficiency", middle man, absurdity.*

### References

1. Anninsky L.A. Struktura labirinta. Vladimir Makanin i literatura "seredinnogo" cheloveka [Structure of the labyrinth. Vladimir Makanin and the literature of the "middle man"]. *Zvezda* [The Stars], 1986, no. 8, pp. 218–226. (In Russ.).
2. Bakhtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekov'ja i Renessansa* [Creativity Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, 1990. (In Russ.).



3. Breton A. *Antologija chernogo jumora (1940)* [The anthology of black humor (1940)]. Moscow, 1940. (In Russ.).
4. Granovskaya R., Nikolskaya I. *Zashhita lichnosti: psihologicheskie mehanizmy* [The protection of personality: psychological mechanisms]. St. Petersburg, 1999. (In Russ.).
5. Leiderman N.L., Lipovetsky M.N. *Sovremennaja russkaja literatura: 1950–1990-e gody : v 2 t. T. 2* [Modern Russian Literature: 1950–1990 in 2 vol. Vol. 2]. Moscow, 2003. (In Russ.).
6. Makanin V.S. *Antilider. Chelovek svity. Povesti i rasskazy* [Anti-lider. Straggler. Novels and stories]. Moscow, 1988. (In Russ.).
7. Makanin V.S. *Chelovek svity* [The man of the retinue]. St. Petersburg, 2015. (In Russ.).
8. Piskunova S., Piskunov V. Vse prochee — literatura [Everything else is literature]. *Voprosy literatury* [Literature questions], 1988, no. 2, pp. 38–77. (In Russ.).
9. Freud Z. *Totem i tabu* [Totem and taboo]. Moscow, 1998. (In Russ.).
10. Cohen S. B. *Comic Relief: Humor in Contemporary American Literature*. Urbana, 1979. Pp. 1–13.
11. Feldman B. Anatomy of black humor. *The American Novel since World War II*. Greenwich, 1968. Pp. 224–228.
12. Heller T. *Notes on Technique in Black Humor*. In *Black Humor*. N. Y., 1993.
13. Schindler R. Grundprinzipien der Psychodynamik in der Gruppe. *Psyche*, 1958, no. (11), pp. 308–314.
14. Flexner S.B. (ed.). *The Random House Dictionary of the English Language*. N. Y., 1987.